

ОБЩЕСТВО

Вспомните, чем закончилось дело по Кудымкарскому драмтеатру. Это показательный пример отношения общества к коррупции. Вначале фигурант дела был осуждён за то, что истратил непонятно куда 41 млн руб. Кудымкарский суд назначил ему наказание в виде штрафа размером 100 тыс. руб. Что произошло дальше? Он по-прежнему остался на своей должности и занимался своей работой, пока мы не взяли его с поличным на взятке в 11 млн руб. В самом деле, не страшно ведь брать дальше, если тебе за 41 млн руб. дают 100 тыс. руб. штрафа и ты продолжаешь работать.

А какую позицию в этом деле заняли СМИ? Они начали шельмовать потерпевших. Тех самых людей, которые заявили нам, что у них вымогают взятки. Которые сотрудничали с судом и следствием...

— Вы говорите про депутата Законодательного собрания Андрея Маркова?

— Да. Человек прошёл с нами весь этот путь. Он был одним из немногих, кто сказал: «Ну всё, достало!» и пришёл к нам. Тем самым, по сути, выполнил свой гражданский долг. В результате в СМИ выгнали и полоскали всё его грязное бельё, и почему-то никто не пишет о том, что люди, которые 15 лет не могли постро-

ить театр за 1 млрд руб., — коррупционеры. А про тех, кто не побоялся пройти этот тяжёлый путь, чего только не писали.

Как после этого мы можем обращаться к гражданам с призывами не молчать, не терпеть, а сотрудничать со следствием? Они посмотрят на эту историю и задумаются: а что я получу от этого, кроме угроз, оскорблений? Я уж не говорю про проблемы с бизнесом. Вот и всё отношение общества к коррупционерам, вот и вся борьба с коррупцией...

— Когда вы говорите «общество», приходится вспомнить и о том, что представитель общества в данном случае — юрист и суд. Суд назначает такие мягкие наказания, а то и отпускает фигурантов уголовных дел. Часто получается, что ваши следователи занимаются каким-то делом, тратят на него много сил, а потом суд назначает очень мягкое наказание или вообще освобождает подсудимого от ответственности. Вам не обидно?

— Нам обидно. Но принцип следствия такой: мы никогда не комментируем судебные решения. Я юрист и должна принимать судебное решение, вступившее в силу, таким, какое оно есть.

Кстати, как только мы все в России этому научимся, у нас станет намного легче жить.

— Давайте поставим вопрос иначе. Часто приходится слышать мнение, что наши законы и правоохранительные процедуры намного больше защищают подозреваемого, чем потерпевшего. Вы согласны с такой оценкой?

— Я согласна с такой оценкой. Единственное позитивное в этом то, что наша Государственная дума прислушивается к мнению профессионалов. Несколько лет по инициативе Следственного комитета в буквальном смысле пробивались законопроекты, направленные на защиту прав потерпевших. В декабре 2013 это произошло. Теперь у потерпевшего очень много прав. Если следователь и потерпевший разумно воспользуются новым федеральным законом, потерпевшему будет намного легче.

Это революционный закон, который почему-то остался незамеченным. Там очень много новшеств.

Например, суд присяжных в отношении преступлений сексуального насилия над несовершеннолетними, наконец, отменён. Это было совершенное безумие, когда искалеченный, измученный ребёнок должен давать показания в присутствии 12 присяжных. Это было просто невозможно.

Ребёнок не может давать показания чужим людям. Мы знаем, что это такое. Мы работаем с этими детьми. Мы часами в щадящей обстановке с использованием особых методик, психологов, игрушек, пытаемся получить хоть какую-то достоверную картину от ребёнка. В результате он должен предстать перед судом, где сидят совершенно незнакомые люди, не всегда доброжелательно настроенные. Ещё непонятно, когда он получал большую травму: когда над ним совершили насилие или когда он прошёл все эти юридические процедуры.

Теперь же можно будет не приглашать ребёнка в суд. Всё, что добывается на стадии следствия, фиксируется. Можна будет просто воспроизвести в суде видеозапись.

В новом законе есть и про работу СМИ. Теперь категорически нельзя не только называть фамилию потерпевшего ребёнка, но и говорить, с какой степенью жестокости было совершено преступление, рассказывать подробности. Сотрудники СМИ, распространяющие подобную информацию, будут привлекаться к уголовной ответственности.

— Разделение прокуратуры и Следственного комитета произошло довольно давно, но до сих пор приходится слышать, что есть конфликты, трения, службы «конкурируют» друг с другом. В Пермском крае существуют какие-то противоречия между Следственным комитетом и прокуратурой или МВД?

— Между Следственным комитетом и МВД не может быть никаких противоречий, потому что задача МВД — обеспечивать деятельность Следственного комитета в плане раскрытия преступлений. Здесь у нас ничего не менялось. Как мы вместе работали, так и работаем.

Прокуратура же ставит заключительную точку в наших делах. Безусловно, осуществляя контроль над нами, она не всегда принимает те решения, которые бы нас устраивали. Но это нормальный рабочий процесс. Мы представляем уголовное дело с анализом доказательств, прокурор может счесть, что их недостаточно. В таком случае мы совершенно бессильны.

Поэтому, когда говорят, что прокуратура утратила свои полномочия, больше не работает — это совершенно не так.

— Вы говорили, что жалоб граждан на ваших сотрудников почти нет. Означает ли это, что при приёме на работу к потенциальным сотрудникам СК есть какие-то «запредельные» требования? Что для вас самое главное, когда вы подбираете сотрудников?

— Для меня самое главное — мотивация. Зачем человек идёт работать следователем? Точно не за зарплату. Она у нас не такая большая. До недавнего времени из правоохранительных структур мы получали меньше всех.

Требования действительно очень высокие. Например, мы очень редко берём к себе сотрудников полиции — только если они недолго там работали, потому что есть определённая деформация, которая не позволяет перестроиться.

К нам идёт та очень небольшая прослойка молодёжи, которая хочет добиться справедливости, кому интересен сам процесс расследования, установления преступника и привлечения его к ответственности.

Мы ищем таких ребят и находим. Слава богу, они есть. ■